О.Ф. Шабров,
доктор политических наук, профессор

ПАРТОГЕНЕЗ И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ: ПАРАМЕТРЫ, КЛАССИФИКАЦИЯ, РОССИЙСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Еще недавно бум партийного строительства в России казался неодолимым, плещущая через край многопартийность производила впечатление имманентного признака постсоветских перемен, а роль партий – неуклонно растущей. Потребовалось, однако, совсем немного лет, и многих постигло разочарование. Парламентские выборы 2003 г. продемонстрировали хрупкость новой политической конструкции, именуемой партийной системой, и дали серьезное основание для пессимизма. Типичным является мнение К. Холодковского: «Партийно-политическая жизнь становится все менее существенным фактором. Ключевыми механизмами учета интересов оказываются кулуарная политика и патрон-клиентные связи»[1]. Кто-то критикует в случившемся власти, кто-то видит в этом проявление низкой политической культуры избирателей.

Между тем на фоне «цветных революций» проблема партий приобрела для руководства России неожиданную актуальность. Приближающийся четвертый избирательный цикл, стартующий в 2007 г., стал одним из основных факторов нарастающего беспокойства. Опыт СНГ показал, что устойчивость постсоветских политических режимов близка к пределу и может быть неожиданно утрачена под влиянием различных дестабилизирующих факторов, одним из которых, как это случилось на Украине, могут стать очередные выборы в высшие органы государственной власти. Это беспокойство отчетливо проявилось, например, на семинаре-совещании председателей избирательных комиссий, прошедшем в Центризбиркоме Российской Федерации 30 июня – 1 июля 2005 г. «Анализ "цветных революций" в ряде стран СНГ показывает, – заявил председатель ЦИК А. Вешняков, – что одной из их причин является потеря доверия общества к органам, обеспечивающим проведение выборов»[2]. Более конкретен был вывод бывшего главы Администрации Президента РФ Д. Медведева: «На опыте ряда стран… неспособность организаторов

[1] *Холодковский К.Г.* Бюрократическая Дума // ПОЛИС. 2004. №1. С. 11.
[2] Коммерсантъ. 2005. 1 июля.

выборов оперативно и полно представить общественности результаты избирательных кампаний может использоваться в политической борьбе и привести к самым разным для государства результатам, послужить источником дестабилизации ситуации в стране»[1].

Понятно, что авторы этих заявлений, адресованных конкретной аудитории, не претендуют на всесторонний анализ причин сложившейся ситуации. Важна недвусмысленность, с которой официальные высокопоставленные лица обнародовали проблему политической неустойчивости. Ясно, что несвоевременный подсчет голосов – лишь повод для дестабилизации. Причины же, разумеется, глубже. Искать их следует в утрате необходимой для устойчивости степени доверия общества к политическим режимам своих стран в целом. А это, в свою очередь, следствие дисфункции механизма политической обратной связи, одной из составляющих которого являются партийные системы.

В этом отношении Россия не является исключением, и последствия могут быть не менее драматичными. Вот почему столь актуальной является проблема партийного строительства и формирования в стране эффективной партийной системы. Ее решение требует адекватного понимания сложившейся ситуации, идеологически беспристрастной и точной диагностики политического пространства. Вновь на первый план выходит тема аналитического инструментария, имеющегося в распоряжении исследователя партий и партийных систем.

Партии и партийные системы: природа, функции, критерии оценки

Оценка любого явления требует понимания его природы и смысла функционирования, формулирования критериев. Природа партий и их роль в обществе понимаются неоднозначно. Позитивная роль партий связывается прежде всего с тем, что они формируются в результате самоорганизации и функционируют как связующее звено между гражданским обществом и государственной сферой[2]. Это обстоятельство дало основание французскому политологу второй половины XX в. М. Дюверже рассматривать партии как атрибут демократии[3]. Именно в таком качестве они выступают как институты политического опосредования, представляющие совокупность общественных интересов в органах государственной власти.

[1] Коммерсантъ. 2005. 1 июля.

[2] См., напр.: *Агилера де Прат С.* Проблемы демократии и политических партий в социальном государстве // Политология вчера и сегодня. Вып. 2. М., 1990.

[3] См.: *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000.

В современных условиях полноценное функционирование партий как институтов политического опосредования является необходимой предпосылкой устойчивости общественной системы. В качестве механизма политической обратной связи в государственном управлении партии переносят естественный конфликт несовпадающих интересов, существующий в любом социально неоднородном обществе, в политическую систему – локальную по сравнению со всей общественной системой и предоставляющую возможность для поиска осознанного социального компромисса[1]. Этим определяется первая группа критериев, по которым можно оценить партию функционально, как институт политического опосредования: она должна произрастать из общества, быть тесно с ним связанной и иметь возможность эффективно влиять на органы государственной власти. Это, во-первых, мера самоорганизации партии; во-вторых, степень доверия к партии со стороны населения; в-третьих, степень влияния партии на государственную политику.

Для практики существенно, что первый из этих критериев предполагает зависимость результата от генезиса, от способа формирования и развития партии.

В качестве одного из институтов политического опосредования партии, казалось бы, играют в обществе однозначно позитивную роль. У них, однако, есть не только сторонники. Уже при первичном оформлении партий в Англии некоторые теоретики и политики считали партии источником здоровой конкуренции в обществе, другие же – предпосылкой разлада. Французский мыслитель и политический деятель XIX в., автор одного из первых исследований политических партий А. де Токвиль считал партии злом, свойственным демократическому правлению[2]. Скептически оценивал роль партий и российский исследователь XIX – XX вв., один из основателей политической социологии М. Острогорский[3].

Опасения и скептицизм, связанные с функционированием партий, можно свести в основном к следующему:

при определенных условиях партии могут становиться источником конфликта, вносить в общество разлад, снижая тем самым уровень устойчивости общественной системы;

деятельность массовых партий может создавать угрозу «тирании масс» (М. Острогорский[4]) или «тиранию партий» (Н. Бердяев[5]) как

[1] См.: *Шабров О.Ф.* Политическое управление: проблема стабильности и развития. М., 1997.

[2] См.: *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 2000.

[3] См.: *Острогорский М.* Демократия и политические партии. М., 1997.

[4] См. там же.

[5] См.: *Бердяев Н.* Письма к недругам по социальной философии // Собр. соч. Т. 4. Париж, 1990.

следствие противоречия между политической культурой масс и ростом их влияния;

как всякая политическая структура, партия подчиняется тенденциям олигархизации, бюрократизации и стремится к внутренней авторитарности («железный закон олигархии» Р. Михельса[1]).

В конечном счете первое и второе явления возникают как следствие третьего: именно в условиях гипертрофированного разрастания власти лидера, аппарата или группы «спонсоров» партия из института политического опосредования, конвертирующего интересы и настроения социальной группы, функционально превращается в свою противоположность, клиентелу, обслуживающую интересы не социальной группы, а отдельного лица (вождя) или группы лиц. В любом из перечисленных случаев сторонники и члены партий становятся заложниками борьбы своих партийных руководителей и их спонсоров за сферы влияния, финансовые потоки, государственные посты. Подобного рода партии из механизма общественной стабильности превращаются в дестабилизирующий общество фактор: конфликт из политической сферы переносится в общественную среду. Возможная в этом случае политическая мобилизация за счет решения конфликта через подавление противников может стать предпосылкой тоталитарного режима, как это случилось в Германии 30-х гг. XX столетия.

Это обстоятельство делает необходимым введение дополнительных критериев оценки эффективности партийного строительства, позволяющих оценить меру как «положительного», так и «отрицательного» результата: декларируемые цели и ценности, личностные качества лидеров, степень внутрипартийной демократии, средства достижения цели.

Иными словами, куда, кто персонально и каким образом ведет за собой членов партии и ее последователей.

Персональная сторона проблемы имеет для России особое значение: отношение к институту в значительной степени определяется здесь отношением к лидеру. Это делает необходимым введение еще одного критерия: степень доверия со стороны населения к лидеру партии.

Для оценки степени поддержки партий общественной средой М. Дюверже ввел «индекс членства» – отношение числа голосующих за партию избирателей к числу членов партии[2]. Это – еще один существенный критерий оценки, служащий одновременно и парамет-

---

[1] См.: *Михельс Р.* К социологии политических партий в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3.

[2] См.: *Дюверже М.* Указ. соч.

ром эффективности партийного строительства. Добавим его в совокупность критериев оценки: индекс членства.

Ясно, однако, что состояние партийного строительства в любом обществе оценивается наличием и характеристикой не отдельно взятой политической партии, а партийной системы в целом. Когда говорят о системе в точном смысле этого понятия, предполагают наличие элементов, межэлементных связей и порождаемой ими целостности, или системного качества. Применительно к партийным системам системное качество определяется через основное назначение партий в качестве институтов политического опосредования. Иными словами, конструктивное в исследовательском отношении понятие партийной системы следует сформулировать как *совокупность партий, отношения между которыми порождают эффективную политическую обратную связь, то есть обеспечивают структуру социального представительства в органах государственной власти, репрезентативно артикулирующую и агрегирующую структуру общественных интересов.* Поэтому для оценки степени функциональной зрелости партийной системы принципиально важен еще один критерий: степень соответствия партийного представительства в государственной сфере структуре несовпадающих социальных интересов.

Существуют и другие критерии, связанные с выполнением партиями и партийной системой в целом социально значимых функций, в той или иной степени связанных с их главным предназначением – служить институтом политического опосредования. Наиболее значимые из них: политическая социализация; политическое рекрутирование; социальная интеграция.

Таким образом, мы получили совокупность критериев оценки зрелости и эффективности функционирования как отдельных партий, так и партийной системы в целом. Другим важным инструментом исследования партий является их классификация, различные основания которой разработаны в политической науке.

Классификация партий и партийных систем

Существует немало способов классификации политических партий. Интегрируя их и вычленяя общее, можно выделить несколько оснований классификации, существенных для исследования современных партий и партийных систем.

Первое из них восходит к шотландскому философу XVIII в. Д. Юму, различавшему партии по мотиву объединения – партии по интересам, по ориентации на лидера и по принципам[1]. Этот подход до неко-

[1] См.: *Юм Д.* О партиях вообще // Малые произведения. М., 1996.

торой степени коррелирует с тремя основаниями легитимности М. Вебера: рациональное, харизматическое и традиционное[1]. Введем первое основание для классификации партий:

А. По доминирующему мотиву объединения членов партии:

А. 1. Общность интересов.

А. 2. Ориентация на лидера.

А. 3. Общность идеологии.

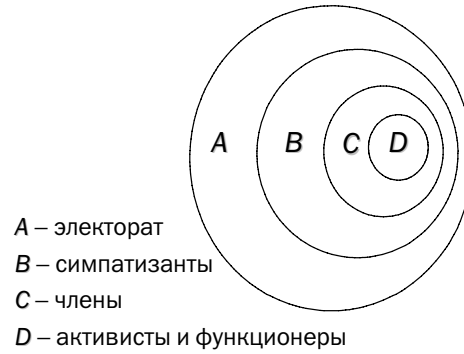

Рис. 1. Схема участия граждан в партийной жизни

Принято также различать партии по характеру участия граждан в партийной жизни, иллюстрируемому обычно с помощью рисунка 1, состоящего из четырех концентрических окружностей: активисты и функционеры (*D*), члены партии (*C*), симпатизанты (*B*) и избиратели (*A*). Классификация эта предложена М. Дюверже[2] и позволяет выделить два типа партий: кадровые и массовые. К кадровым относят партии, не имеющие постоянного членства и строгой иерархической структуры; их формулу можно определить (*A* + *B* + *D*). Формула массовых партий дополнена постоянными членами *C*. Это делает необходимым образование централизованной иерархической структуры, финансирование за счет членских взносов. Массовые партии, в свою очередь, различают по характеру членства – прямого и косвенного. Косвенным является участие в партийной жизни через другие организации – профсоюзы (партия лейбористов в Великобритании), другие партии (в случае коллективного членства, партийных коалиций), другие массовые объединения. Таким образом, мы имеем второе основание для классификации партий:

[1] См.: *Вебер М.* Политика как призвание и как профессия // Избранные произведения. М., 1990.

[2] См.: *Дюверже М.* Указ. соч.

B. По характеру участия граждан в партийной жизни:

A. 4. Кадровые партии.

A. 5. Массовые партии:

а) с прямым участием;

б) с косвенным участием.

Для реализации функции политического опосредования весьма значим характер внутрипартийных отношений и связь партии с депутатской фракцией. Только демократические внутренние отношения в партии, ответственной перед избирателями, в сочетании с ответственностью фракции перед партией дает возможность последней функционировать как эффективному каналу политической обратной связи. В зависимости от того, навязывают или нет партии своим депутатам жесткую дисциплину голосования, М. Дюверже делил их на партии с сильной и слабой структурой[1].

Таким образом, появляются еще два важных основания классификации:

B. По характеру внутрипартийных отношений:

B. 1. Авторитарные.

B. 2. Демократические.

C. По характеру отношений со своими депутатами:

C. 1. С сильной структурой.

C. 2. Со слабой структурой.

Важной характеристикой партии как института политического опосредования является ее социальное основание. В марксизме партии рассматриваются как институты политического представительства классовых интересов. Примером может служить ленинская классификация российских партий начала XX столетия: черносотенцы (мелкая буржуазия), октябристы (крупная буржуазия), кадеты (буржуазная интеллигенция), трудовики (крестьянство), социал-демократы (рабочие)[2]. Существуют партии, реализующие национальное представительство. Американские социологи С. Липсет и С. Рокан классифицируют партии в контексте четырех «социальных разломов», выявленных ими при исследования истории Европы: между центром и периферией; государством и церковью; городом и деревней; собственниками и рабочими[3]. В последние десятилетия отмечено также появление партий, не ориентированных на представительство интересов конкретных социальных слоев. Это – партии, главной целью которых является привлечение на свою сторону избирателей

---

[1] См.: *Дюверже М.* Указ. соч.

[2] См.: *Ленин В.И.* Полн.собр.соч. Т. 14. С. 21 – 27.

[3] См.: *Шмидт С.Ф.* Политические партии // http://www.isu.ru/hist/mimo/mega/party.html.

(в западной литературе получившие название «catch-all party»[1], в дословном переводе «партии-хватай-всех» или более благозвучно – универсальные партии), а также партии, создаваемые для решения конкретных проблем («зеленые», пацифисты и т. п.).

В итоге складывается совокупность типов партий по очередному важному основанию:

D. По типу социального представительства:

D. 1. Классовые.
D. 2. Национальные.
D. 3. Региональные.
D. 4. Конфессиональные.
D. 5. Аграрные.
D. 6. Универсальные.
D. 7. Проблемно-целевые.

Так или иначе, вне зависимости от типа социального представительства, партии провозглашают конкретные цели, вокруг которых они рассчитывают расширить и сплотить круг сторонников. Цели эти в значительной степени связаны с интересами той социальной группы, на поддержку которой претендует партия (если, разумеется, речь не идет о партиях универсального или проблемно-целевого типов). По каждому (кроме последних двух) типу социального представительства может быть установлена биполярная шкала целей (идеологических ценностей), на которой размещаются практически все существующие партийные идеологии. Исключение составляют партии, представляющие интересы сельского населения: противоположные их интересам интересы горожан не нуждаются, как правило, в политическом представительстве в силу их естественного технологического, финансового, количественного превосходства.

В результате может быть сформировано пространство идеологий, образованное осями классового, национального, регионального и конфессионального представительства. Это дает классификацию по еще одному важному основанию:

E. По целям:

E. 1. Левые ↔ правые (классовые интересы).

E. 2. Национальный шовинизм ↔ интернационализм (национальные интересы).

E. 3. Региональный сепаратизм ↔ централизм (региональные интересы).

E. 4. Конфессиональный шовинизм ↔ свобода совести (конфессиональные интересы).

---

[1] См.: *Елизаров В.* От авторитаризма к демократии: две модели // Pro et Contra. Т. 3. 1998.

В реальном исследовании каждая из этих осей не является одномерной. Например, ось «левые ↔ правые» представляет собой как минимум двумерное пространство, образуемое осями социального представительства в сферах экономики и политики. И в программах конкретных партий, и в идеологии отдельных групп населения могут быть объединены, например, авторитарное государство и либеральная экономика. Ось «конфессиональный шовинизм ↔ свобода совести» представляет собой пространство с числом измерений, равным числу конфессий плюс атеизм.

Еще одна из осей пространства идеологий образуется идеологией, апеллирующей к интересам общества в целом по отношению к международному сообществу:

Е. 5. Патриотизм ↔ космополитизм.

Провозглашая любые цели, партия тем или иным способом формулирует цель относительно существующих порядков, занимая тем самым определенное место на оси

Е. 6. Консерватизм ↔ революционаризм.

В качестве начала координат, центра на этой оси можно рассматривать *реформизм*.

Небезразличен и способ достижения целей, предлагаемый партиями. Это дает еще одно важное основание их классификации:

F. По способу достижения целей:

F. 1. Радикализм ↔ эволюционизм.

F. 2. Парламентаризм ↔ авангардизм.

Последнее противопоставление не вполне корректно, если понимать его буквально, но так уж принято. Нельзя, однако, пренебрегать не вполне, быть может, корректно заложенным в нем противопоставлением партий, реализующих свои цели главным образом через представительные органы власти, и партий, делающих ставку прежде всего на внепарламентские методы борьбы.

Большое значение имеет характер взаимоотношения партии и государства. Отсюда еще одно основание классификации:

Н. По месту в политической системе:

Н. 1. Правящие ↔ оппозиционные.

Н. 2. Легальные ↔ нелегальные.

Н. 3. Официально зарегистрированные ↔ незарегистрированные.

Принципиально важно, каким образом партия возникла. Содержание любого явления зависит от его генезиса. Классический путь образования партии – самоорганизация, возникновение в недрах гражданского общества независимо от государства. Возможно и обратное. Недостаток первого пути – его большая продолжительность во времени. Второй путь короче и может показаться более удобным

с точки зрения управляемости. Его результатом являются, однако, общественные образования, неустойчивые, как все искусственное, в силу низкой степени разнообразия[1]. В отношении них справедлива теорема конечности Л.В. Левантовского[2], вывод которого известен как «принцип хрупкости хорошего» – чем сложнее организация системы, тем более вероятна потеря относительной устойчивости. Кроме того, в отличие от технических систем возможность искусственного создания эффективного механизма обратной связи в социальных системах проблематична в силу естественной незаинтересованности субъекта управления в возможном эффективном противодействии реализации поставленных им целей со стороны управляемого объекта. Потому необходимо включить в рассмотрение классификацию партий по еще одному основанию:

I. По генезису:

I. 1. Естественные (эволюционные) ↔ искусственные (креационные).

Генезис партии предопределяет (по крайней мере надолго) преобладающее направление политического опосредования. Партия, возникшая эволюционным путем, в результате самоорганизации представляет интересы социальной группы в государственной сфере, является одним из механизмов политической обратной связи. Напротив, искусственно образованная в результате реализации государственного проекта партия представляет государство в социальной среде, является одним из механизмов политической власти. В результате возникает еще одно основание классификации:

J. По направлению политического опосредования:

J. 1. Партии социального представительства ↔ партии власти.

Данный набор оснований классификации не является исчерпывающим. Используются и другие характеристики: мажоритарные, доминирующие и миноритарные; профессиональные и любительские; индивидуального представительства и общественной интеграции (по степени представительства в парламентах) и т. д.[3] Для оценки состояния партийного строительства они не столь существенны, хотя и могут быть использованы для решения различного рода задач.

---

[1] См.: *Шабров О.Ф.* Разнообразие как фактор эффективности государственного управления // Информационные технологии в науке, образовании, телекоммуникации и бизнесе: Материалы XXXI международной конференции. Украина, Крым, Ялта – Гурзуф, 20 – 30 мая 2004 г. // Успехи современного естествознания. 2004. № 5. Приложение 1.

[2] См.: *Левантовский Л.В.* Особенности границы области устойчивости // Функциональный анализ и его приложения (Москва). 1982. Т. 16. Вып. 1.

[3] См., например: *Малов Ю.К.* Введение в теорию политических партий (обзор идей и концепций). М., 2005.

Классификацию партий можно рассматривать как один из аспектов – системно-компонентный – классификации партийных систем, поскольку партии являются ее компонентами. Его необходимо дополнить системно-структурным аспектом – по характеру межэлементных связей.

Вообще существует несколько подходов к пониманию и классификации партийных систем. Наиболее распространенным является подход М. Дюверже, исходившего при классификации партий из количественного критерия – по числу партий, реально участвующих в борьбе за власть[1]. В условиях демократии партийную систему нередко рассматривают как один из аспектов классификации избирательной системы – по числу партий, представленных в парламенте.

Эти подходы, безусловно, важны, но они характеризуют партийную систему прежде всего через ее связь с государством и больше подходят – особенно второй – для классификации избирательных систем. Более конструктивным основанием классификации являются межкомпонентные связи, в случае партийных систем – отношения между партиями. В этом плане примечателен подход современного итальянского политолога Д. Сартори, который дает семиступенчатую классификацию, основанную на идеологической дистанции («полярности») между партиями – от системы с одной партией до атомизированной системы[2]. С учетом современной политической практики эта классификация может быть представлена следующим образом:

– система с одной партией (комментариев не требует);

– система с партией-гегемоном, характеризуется устойчивым многолетним доминированием одной партии («полуторапартийная система»);

– двухпартийная система – самодостаточная совокупность двух сильных, периодически сменяющих друг друга у власти партий;

– «двухсполовинойпартийная» система, когда в политической сфере доминируют две партии, каждая из которых нуждается, однако, в поддержке третьей, незначительной по численности и влиянию;

– система ограниченного плюрализма, предполагает конкуренцию нескольких партий с незначительными идеологическими различиями, ни одна из которых в одиночку прийти к власти не может, что порождает потребность в коалициях;

– система крайнего плюрализма, состоит из нескольких партий, придерживающихся несовместимых идеологических ценностей;

---

[1] См.: *Дюверже М.* Указ. соч.

[2] См.: Партии и партийные системы: Учебное пособие / Авт.-сост. Н.А.Баранов, Г.А.Пикалов. В 3 ч. СПб., 2003.

– атомизированная система, включает в себя десятки и более партий.

Строго говоря, рассматривать однопартийную организацию как партийную систему некорректно: применение понятия системы предполагает наличие как минимум двух компонентов, так что эту «ступень» из рассмотрения следует исключить. Ее можно использовать только в качестве крайней точки на оси данного основания классификации, как вырожденный случай, когда система перестает существовать. С другой стороны, система перестает существовать и в противоположном случае – крайней атомизации политической сферы, когда количество партий превышает некий предел, за которым наступает политический хаос.

В итоге возникает еще одно существенное основание классификации партийных систем и соответствующая ось координат:

K. По «идеологической дистанции» между партиями:

K. 1. Однопартийная система ↔ политический хаос.

Между этими крайними точками расположатся последовательно названные выше состояния: система с доминирующей партией; полутора-, двух-, двухсполовинойпартийная система; система ограниченного плюрализма; система крайнего плюрализма.

Наконец, последняя характеристика партийной системы, как и любой другой, – порождаемое межкомпонентными связями системное качество (системно-интегративный аспект). Это – степень реализации совокупностью компонентов ее основного предназначения. Для партийной системы интегративным качеством является политическое опосредование, социальное представительство, осуществление политической обратной связи между социальными группами и государственной сферой. Реальная партийная система всегда расположена между двумя неосуществимыми крайностями, от полного подчинения органов государственной власти через партии массам до превращения партийной системы в орудие власти государственных органов над массами. Эта характеристика возникает как совокупное влияние партий социального представительства и партий власти. Возникает, соответственно, еще одно классификационное основание, которое условно можно обозначить следующим образом:

L. По эффективности и направленности функционирования:

L. 1. Партийная система избирателей ↔ партийная система власти.

Понятно, что политическая система, расположенная на этой оси правее начала координат, в той или иной мере имитирует партийную систему, в той или иной мере представляя собой партийную псевдосистему.

В итоге мы получили критерии и параметры, совокупность которых представляет собой инструментарий, с помощью которого можно достаточно полно определить качественные и количественные характеристики партий и партийных систем. Для этого необходима диагностика с последующей обработкой эмпирических данных. Но некоторые качественные стороны партийного строительства в России поддаются предварительной оценке и без дополнительного исследования.

Партогенез и партийный спектр современной России

Формирование партийной структуры в России происходило иначе, нежели в странах Запада и в России конца XIX – начала XX вв. Принципиальное отличие состояло в иных начальных и граничных условиях. Западные партийные системы формировались главным образом естественным, эволюционным путем, с «нуля», через кружки и объединения избирателей, на хорошо структурированном социальном основании, в условиях государственной независимости. В России же конца XX столетия процесс партийного строительства начинался в условиях однопартийной организации власти, размытой социальной структуры и связанных с ней социально-классовых противоречий, под ощутимым влиянием стран Запада. Формальное сходство этих процессов, отмечаемое некоторыми авторами, не должно вводить в заблуждение. Возникшая в итоге партийная структура во многом искусственна, а противопоставление «левые ↔ правые» в значительной степени подменяется (впрочем, не впервые в истории) противоположностью «почвенники ↔ западники». Это предопределяет неустойчивость партийной структуры и изначальное отторжение значительной частью населения партий правой ориентации по неидеологическим мотивам.

Исходной точкой партийного строительства в современной России стало начало раскола КПСС. Содержание возникшего при этом процесса позволяет говорить о первом этапе партогенеза и охарактеризовать его как прелюдию. Начало его можно отнести ко второй половине 1980-х гг., когда в партийно-государственном руководстве СССР обозначились три группировки: левые «консерваторы» (Е. Лигачев, И. Полозков), центристы-«реформаторы» (Н. Рыжков, Л. Абалкин) и правые «революционеры» (А. Яковлев, Б. Ельцин). К концу 80-х гг. дискуссия об идеологических ценностях «возбудила» массы – в основном население крупных городов. Затем – легализация «революционной» оппозиции в результате выборов в Верховный Совет СССР в 1988 г. в форме Межрегиональной депутатской группы (Б. Ельцин, А. Собчак, Г. Попов, А. Сахаров и др.). Наконец, в 1990 г. «революци-

онное» и «консервативное» крылья КПСС институировались в форме демократической и марксистской платформ. Параллельно с 1988 г. начался и процесс образования «революционных» партийных организаций за рамками КПСС – Демократический Союз В. Новодворской, Демократическая партия России Н. Травкина и др. Завершением этого этапа стали события второй половины 1991 г., когда вместе с распадом Советского Союза завершила свое существование и КПСС.

Подписание Беловежского соглашения и его реализация стали фактором, влияние которого на формирование новой партийной структуры пока недооценивается. «Развод» произошел вопреки мнению населения СССР, недвусмысленно сформулированному буквально накануне, в марте 1991 г. на референдуме. Вне зависимости от отношения к СССР и самой процедуре референдума столь явное пренебрежение результатами голосования не могло не усилить политическую апатию, отчуждение от власти основной части российского населения, и без того свойственные его ментальности. Это стало дополнительным неблагоприятным обстоятельством, затруднявшим политическую самоорганизацию.

Ни «крылья» КПСС, ни новые партии не имели под собой необходимого социального основания и возникали скорее не как выразители структуры социальных интересов, а на основе структуры отношения к советскому режиму относительно небольшой части общества – интеллигенции и партийно-государственной верхушки. Но продолжительная (примерно с середины 70-х гг.) демонстрация советским строем нарастающей неэффективности, породившая в общественном сознании процесс его делегитимации, создала ситуацию неустойчивости, обеспечившую оппозиции заведомый перевес. Это была ситуация, аналогичная тем, которые благоприятствовали современным «цветным» революциям на постсоветском пространстве.

С образованием самостоятельного Российского государства начался второй этап партийного строительства в России, в значительной степени носивший характер самоорганизации. Его качественное отличие определялось двумя обстоятельствами:

– с низвержением КПСС исчез основной оппонент правой оппозиции, антикоммунизм в значительной степени утратил роль цементирующего фактора, и на первый план вышел вопрос о конкретной модели развития общества;

– изменился статус правой идеологии, она приобрела официальный лицо, получив влиятельного сторонника в лице Президента РСФСР Б. Ельцина и воплотившись в деятельности правительства Е. Гайдара.

Первое обстоятельство означало для «правых» переход с протестной позиции, способствовавшей их сплочению против общего оппо-

нента, на позицию, требовавшую предъявления конструктивных целей. При отсутствии социального основания правое движение утратило единство и распалось на множество объединений «демократической» и «либеральной» ориентации, обслуживавших прежде всего интересы и амбиции собственных лидеров.

Второе обстоятельство играло двоякую роль. С одной стороны, оно создавало благоприятные условия для роста правого движения, придавая ему респектабельность, и объективно, через экономическую деятельность правительства, формируя социальное основание в лице собственника. С другой стороны, оно становилось фактором раздора между правыми лидерами, у каждого из которых появился мощный дополнительный мотив самостоятельности: борьба за влияние на власть и, соответственно, за доступ к распределению ресурсов.

Левое крыло в условиях дискредитации коммунистической идеологии также утратило единство, но в меньшей степени, и сумело до некоторой степени консолидировать усилия, сохранив значительную степень влияния в Верховном Совете РСФСР. Попытки судебного преследования КПСС сыграли неоднозначную роль, способствуя укреплению позиций ее «правопреемницы» КПРФ, ставшей наиболее влиятельным политическим игроком на левом фланге.

В целом этот период отмечен бурным ростом числа общественно-политических объединений. Уже к началу 1993 г. их насчитывалось около двухсот[1]. В основном это не были еще партии в собственном смысле слова. Но постепенно на основе идеологической близости начался процесс формирования коалиций, обещавший образование на их основе крупных партий. Это был процесс прежде всего самоорганизации. В отсутствие сформированной социальной структуры он не мог быстро привести к появлению полноценной партийной системы, но и в таком виде способен был создать, пусть не вполне совершенный, механизм политической обратной связи.

Завершением этого этапа формирования партийной структуры России стал 1993 г., когда борьба по поводу идеологических ценностей вылилась в противостояние законодательной и исполнительной ветвей власти, достигшее апогея в октябре. Взятие «демократами» здания парламента военным штурмом ценой кровопролития не могло не произвести неблагоприятного впечатления на общественное сознание и не усилить дополнительно степень отчуждения населения от политики вообще и от демократических ценностей в частности. Урок, преподнесенный Б. Ельциным, был усвоен и руководством на-

[1] См., например: Партии, движения и объединения России: (Справочно-аналитический сборник). М., 1993.

иболее влиятельной левой силы – КПРФ, умерившим политические амбиции и взявшим курс на «встраивание» в формирующуюся политическую систему.

Новый импульс формированию партийной структуры в этих условиях дали прошедшие в конце 1993 г. выборы и принятие Конституции Российской Федерации. Возникли новые правила игры, связанные с порядком проведения выборов и разделением властей. С этого момента ведет отсчет третий этап партийного строительства в России, его институализация. Партии получили реальный механизм влияния на государственную политику и тем самым – возможность стать институтом политического опосредования. Партии, обладающие более существенными ресурсами и электоральной поддержкой, постепенно стали вытеснять из федерального политического пространства незначительные политические объединения. На выборах 1993 г. в Госдуму прошло 8 партий, в 1995 г. – лишь 4.

Однако до конца столетия формирование полноценной партийной системы как механизма политической обратной связи так и не произошло. Сказался ряд обстоятельств, в числе которых основные – незавершенное социальное структурирование общества, неспособность партий отстоять интересы избирателей перед лицом исполнительной власти, политическая апатия населения, усиленная названными выше причинами и рядом других событий, низкая популярность лидеров. В итоге, так и не сформировавшись, партийная система во второй половине 1990-х гг. испытывает глубокий кризис, выразившийся в устойчивом падении доверия к ним со стороны избирателей, фиксируемом многими социологическими исследованиями. В 1997 г. по данным ВЦИОМ лишь каждый сотый опрошенный заявлял о полном доверии к российским партиям, каждый двадцать пятый – о доверии «в известной мере», в то время как недоверие высказали 76% опрошенных[1].

Выборы 1995 г. ознаменовались появлением в политическом пространстве нового конструкта – движения «Наш Дом – Россия», возникшего не в процессе самоорганизации, а в рамках государственного управления. Располагая внушительным административным и финансовым ресурсом, это номенклатурное политическое объединение заняло, однако, в Госдуме достаточно скромное место: в середине 90-х гг. недоверие к номенклатуре проявлялось достаточно сильно. Но как всякое искусственное образование, НДР просуществовало относительно недолго.

[1] См.: Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения // Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1997. № 4.

Принципиально иная ситуация стала наблюдаться в конце 90-х гг. По итогам выборов 1999 г. мало кто обратил внимание на то, что партии в Думе оказались в меньшинстве. Победила номенклатура, сформировавшая 4 фракции и депутатские группы («Единство», «Отечество – вся Россия», «Народный депутат» и «Регионы России») общей численностью 235 человек. По сравнению с Думой предшествующего созыва число депутатов от номенклатуры (фракция НДР плюс группа «Российские регионы») выросло более чем вдвое и составило большинство депутатских мест. Это была первая явная демонстрация недоверия избирателя к партиям в традиционном смысле слова, ознаменовавшая глубокий кризис еще не сформировавшейся партийной системы. А результаты президентских выборов 2000 г. убедили окончательно: общество, обоснованно отождествившее российскую модель демократии с хаосом, вручило власти мандат на установление порядка с опорой на административный ресурс.

С этого момента можно начать отсчет очередного, четвертого этапа партийного строительства в России, характеризуемого доминированием государственного управления над политической самоорганизацией, продолжающегося и сегодня. Принятый в 2001 г. Закон о политических партиях фактически законсервировал кризис партийной системы, создав преференции для действующих непопулярных партий и поставив заслон для роста новых. Парламентские выборы 2003 г., в результате которых новое номенклатурное объединение «Единая Россия» получила конституционное большинство, по мнению многих аналитиков, вообще поставили под вопрос существование партий в России[1]. Опросы социологов подтверждают устойчиво низкий уровень доверия населения к партиям. В июле 2005 г. директор ВЦИОМ В. Федоров заявил, что «россияне ничего не ждут от партий и им не доверяют», причем оценка ими политической обстановки в стране ухудшается[2]. Выборы депутатов Московской городской Думы, прошедшие в декабре 2005 г., не дали основания считать, что ситуация существенно изменилась.

Новое избирательное законодательство замораживает это состояние. Оно не позволило бы зарегистрировать ни лейбористскую (в связи с коллективным членством), ни консервативную (кадровая) партии Великобритании, ни ХДС/ХСС Германии (конфессиональная плюс объединенная), ни политические партии канадского Квебека (региональные) и т. д. Условия регистрации и участия в избиратель-

[1] См., напр.: *Соловьев А.* Электоральный дефолт и деинституционализация политического рынка // ПОЛИС. 2004. № 1; *Шабров О.* Либерал Касьянов не выглядит разочарованным // Родная газета. 2003. 19 дек.

[2] См.: Известия. 2005. 8 июля.

ном процессе практически исключают также возможность образования новых партий, если их организаторы не обладают достаточным (причем немалым) финансовым или административным ресурсом.

Если взглянуть на партийный спектр современной России с точки зрения социального представительства, то партии в стране практически отсутствуют. Лишь две из тех, что имеют наибольшее влияние из числа зарегистрированных, – КПРФ и СПС – имеют конкретное социальное основание. КПРФ претендует на голоса трудящихся и социально незащищенных слоев и представлена фракцией в Госдуме, а СПС откровенно отстаивает интересы крупного бизнеса, хотя ее влияние на государственную политику после последних выборов сократилось до минимума. При этом политика КПРФ настолько беззуба и непоследовательна, что потеря ею традиционного электората на последних выборах представляется вполне закономерной.

Что касается «Единой России», то эта партия откровенно отказалась от функции социального представительства, изначально позиционируя себя как «партия власти». Имея конституционное большинство и будучи неустойчивой в силу искусственного происхождения, она делает неустойчивой всю политическую систему России. Партия «Родина» по нашей классификации относится к программно-целевым партиям и также не ориентирована на конкретное социальное представительство. Созданная под личность конкретного политика, она к тому же в значительной степени искусственна и по сути не партия, а клиентела. Это также делает ее неустойчивой. ЛДПР, ориентированная на протестный электорат, тоже не имеет конкретного социального основания и является типичной клиентелой: ее устойчивость целиком зависит от лидера. Остается «Яблоко» – программно-целевая партия, отстаивающая демократические ценности и также не имеющая конкретной социальной ориентации. Это типичная партия «центра», которая не может рассчитывать на устойчивую социальную поддержку и степень влияния которой зависит от популярности лидера.

Проблема «центра» заслуживает отдельного разговора. До середины 90-х гг., когда на сцену вышло движение НДР, объявившее себя центристским, понятие центра в российской и мировой политологии практически совпадало. Под центристами понимали тех, кто занимает промежуточное положение между идеологическими крайностями. К их числу относили прежде всего проблемно-целевые партии. В 1993 – 1995 гг. это были Демпартия России (ДПР), «Гражданский союз во имя стабильности, справедливости и прогресса», «Будущее России – Новые имена», «Женщины России», Конструктивное эколо-

гическое движение «Кедр» и т. п.[1] Как и во всем мире, центристские партии, не имеющие конкретного социального основания и общих целей для объединения, не могли завоевать сколько-нибудь значимых позиций в парламенте. Но их ролью не следует пренебрегать: артикулируя значимые для общества ценности, они формируют фон, с которым не могут не считаться ни «левые», ни «правые», тем более когда голоса центристов оказываются необходимыми для получения большинства.

Ситуация принципиально изменилась с того момента, когда о своей «центристской» позиции заявила партия власти – правое по мировым стандартам движение НДР, образовавшее относительно малочисленную, но влиятельную фракцию в Госдуме созыва 1995 г. и в меру своих политических возможностей продолжившая гайдаровский курс реформ. С этого момента исполнительная власть в России обрела образ центристской, и уже от этого «центра» стали отсчитывать идеологические позиции других общественно-политических объединений и лидеров. Произошла аберрация общественного сознания, в том числе сознания специалистов-политологов: центр оказался смещенным вправо настолько, что о традиционных центристах оказалось возможным забыть, не вспомнив о них даже тогда, когда новое законодательство лишило их возможности парламентского представительства. Поражение же СПС на выборах 2003 г. было расценено как поражение правых вопреки очевидному: правые одержали сокрушительную победу в лице «Единой России», последовательно завершающей реформы, начатые Е. Гайдаром. Приватизация, рыночная реформа ЖКХ, плоская шкала налогов и т. п. – во всем мире партия, реализующая подобного рода политику, считалась бы крайне правой. Вот где основная причина провала партии СПС: избиратель либеральных взглядов предпочел ей силу, которая зарекомендовала себя куда более последовательной и эффективной в реализации либеральной идеи.

Нельзя не признать, что В.В. Путин и «Единая Россия» заняли на последних выборах очень выгодную идеологическую нишу, сыграв на слабых сторонах идеологической позиции соперников. СПС позиционировалась как партия крупного бизнеса, для которой идеи демократии, традиционно эксплуатируемые «Яблоком», отошли на второй план. В этой роли она не могла предложить ничего, что не делала бы партия власти вместе с президентом и правительством. Отдельные

[1] См., напр.: *Голосов Г.В.* Политические партии и электоральная политика в 1993–1995 гг. // Первый электоральный цикл в России (1993–1996) / Общ. ред. В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. М., 2000.

попытки занять еще более радикальную позицию и критиковать их справа раздражали, выглядели совсем уж антинародно, несолидно. Этому содержанию вполне отвечал и образ «коллективного лидера» СПС в лице его сопредседателей.

Провал демократического «Яблока» показал тоже очевидное: идеи демократии сами по себе не могут надолго оставаться вдохновляющей общество ценностью. Демократия – механизм реализации общественных интересов, а не сам интерес. В этом смысле «Яблоко» – единственная из авторитетных сегодня в России партий, которую можно считать по-настоящему центристской. По сути декларируемых политических идей Г. Явлинского можно отнести скорее к социал-демократам, и не случайно в Госдуме прошлого созыва его фракция нередко блокировалась с фракцией КПРФ. Со своей стороны руководство КПРФ увлеклось эксплуатацией патриотических настроений в ущерб собственно коммунистической идее – сочло ее то ли непопулярной для избирателей, то ли неудобной для власти. Но в нишу патриотизма решительно вторгся государственник Путин с «Единой Россией», лишив Г. Зюганова удобной позиции для критики в свой адрес. В итоге КПРФ утратила поддержку значительной части своих традиционных избирателей, усиливших позиции блока «Родина» (левые патриоты) и ЛДПР (протестный электорат).

Отсутствие у реального «центра» возможностей парламентского участия в политике в долгосрочном отношении является неблагоприятным фактором для социально-политической обстановки в России. Даже в 1993 г., отмеченном драматическими событиями вокруг «Белого дома», поляризовавшими общественное сознание, совокупное влияние «центра» было велико. Кластерный анализ итогов голосования на основе алгоритма самообучения ЭВМ показывает, что в 1993 г. образовалось четыре мощных политических течения: [национал-патриоты – 24%] (ЛДПР); [демократы – 22%] (Яблоко, ВР, РДДР); [центристы – 33%] (Кедр, НИ, ДМ, ПРЕС, ЖЕН, ГС, ДПР); [коммунисты – 21%] (КПРФ, АПР). В «центре» (реальном, согласно принятой в мире классификации) оказались 7 партий, за которые проголосовала треть избирателей – самая влиятельная сила, объединись она вокруг общего лидера[1]. Сегодня ситуация не претерпела в этом отношении принципиальных изменений, и отсутствие у избирателя возможности отдать голоса за партии реального центра способно лишь усилить протестное настроение и абсентеизм.

В последние десятилетия в западной литературе по проблемам партийного строительства возникла дискуссия, связанная со сниже-

[1] См.: *Леванский В.А., Любутов А.С.* Политический спектр Российской Федерации: структурно-таксономический анализ // Государство и право. 1997. № 9.

нием роли партий вообще и их роли как института социального представительства, в частности[1]. В этом контексте трактуют нередко и рост политической апатии в России, рассматривая его как проявление мировой тенденции. Не вдаваясь в обсуждение причин процессов, происходящих в Европе и США, следует, однако, отметить несомненное: в России иная ситуация. Во-первых, в России процесс партийного строительства впал в состояние глубочайшего кризиса, практически не начавшись. Во-вторых, в отличие от стран Запада, в России существует крайнее имущественное неравенство, которое не может не порождать конфликта в политической сфере. И, в-третьих, в России, в отличие от стран Запада, не снижается уровень дискуссии по поводу противоположных больших идеологических ценностей («коммунизм» – «капитализм»).

В итоге формируются условия, которые негативно сказываются на устойчивости государственного управления и множат риски дестабилизации. Без важного механизма политической обратной связи, каковым является реальная партийная система, накопление ошибок управления неизбежно, что не может не повлечь за собой накопление социальной напряженности.

Население чувствует это. Вопреки низкой степени доверия к существующим в России партиям и демократическому механизму в целом степень ожидания демократии и эффективной партийной системы весьма высока. Это подтвердили, например, результаты исследования, проведенного в октябре 2003 г. Социологическим центром РАГС при Президенте Российской Федерации[2]. С мнением, будто «демократия хороша для Запада, но не для России», согласились 31,9% опрошенных и не согласились 47,3%. Развитую партийную систему сочли важной для подлинной демократии 33,6%, «скорее важной» 29,2% и только 19,9% дали отрицательный ответ.

Аналогичный результат дало исследование, проведенное тем же центром 2 года спустя[3]. На вопрос: «Как Вы думаете, демократию в нашем обществе следует развивать или ограничивать?», более двух

---

[1] См., например: *Попов С.А.* Партии, демократы, выборы. М., 2003.

[2] Опрошены 1500 человек в возрасте 18 лет и старше в 20 субъектах Российской Федерации по репрезентативной общероссийской выборке и 200 экспертов – работников органов исполнительной власти субъектов Федерации, занимающих должности начальника отдела и выше по Реестру государственных должностей. См.: данные официального сайта РАГС: http://www.rags.ru/s_center/index.shtm и http://www.rags.ru/s_center/opros4/index01.shtm.

[3] Опрошены 2012 человек в возрасте 18 лет и старше в 24 субъектах Российской Федерации по общероссийской репрезентативной выборке. Опрос проведен с 10 по 17 ноября 2005 г. См.: данные официального сайта РАГС: http://www.rags.ru/content.php?id=313. Результаты опубликованы в данном номере вестника. – Ред).

третей респондентов дали положительный ответ (развивать). При этом около 60% опрошенных дали положительный ответ и на вопрос: «Как Вы считаете, для развития демократии и правопорядка в нашем обществе политические партии необходимы или нет?». К существующим же партиям сохраняется весьма негативное отношение. Более половины респондентов не видит в партиях, представленных в Госдуме последнего созыва, выразителя своих интересов: 38,6% считают, что доминирующая в парламенте «партия власти» представляет свои собственные интересы, 36,4% – интересы Президента РФ и его ближайшего окружения, 23,0% – чиновников, 19,9% – крупных предпринимателей, банкиров, страховщиков и только 17,5% видят в ней представителей всего населения и 11,4% – рядовых граждан.

Отсюда можно, в частности, заключить, что обвинение в адрес российских избирателей по поводу их якобы низкой политической культуры беспочвенны. Скорее наоборот. Недоверие к российским партиям и проявления абсентеизма в условиях скудости российского политического рынка являются проявлением разборчивости избирателя. Не желает он приобретать товар невысокого качества, и винить в этом следует, конечно же, не его, а производителей политического «товара».

Сегодня развернулась подготовка к новому избирательному циклу, по итогам которого ожидается существенное изменение конфигурации политического пространства. Для точных прогнозов время еще не настало, но пока усилиями власти дело движется к формированию партийной системы с партией-гегемоном. При этом укрепляется связь между властью и крупным бизнесом: его представители становятся частью политической элиты либо непосредственно, в качестве, например, губернаторов (Красноярского и Приморского краев, Чукотского автономного округа и т. п.), либо через своих «представителей» (например, в депутатских фракциях Госдумы). «Пропуском», разумеется, служит политическая лояльность, но это ограничение оставляет достаточный простор для эффективного представительства корпоративных интересов. Партия власти в этой ситуации неизбежно становится площадкой для конкурентной борьбы, а государство – корпоративным, с партийной системой, выполняющей формальные функции в избирательном механизме, служащей прежде всего средством легитимации.

Итак, существующие партии и партийная система в целом не устраивают общество. Потребность же в эффективной партийной системе остается высокой. Но формирование новых политических объединений путем самоорганизации в рамках сложившегося правового механизма становится практически невозможным. В такой ситуации

прогноз достаточно очевиден: за ростом социальной напряженности рано или поздно последует формирование политических организаций и механизмов выяснения отношений между ними за пределами правового поля.

Следует иметь в виду и другую сторону проблемы. В современных обществах через партии социальная напряженность «делегируется» в политическую сферу, где локализуется и снимается посредством политического компромисса между властью и оппозицией. Отсутствие партий, функционирующих в качестве институтов политического опосредования, предоставляет власти приятное удобство, вытекающее из отсутствия реальной оппозиции. Но удобство это является недолговременным и кажущимся: вне механизма обратной связи на смену политической напряженности приходит напряженность социальная, и тогда власть рискует столкнуться с оппозицией в лице самого общества. Здесь, думается, один из главных уроков «цветных» революций.

Все это не дает пока основания для большого оптимизма и актуализирует анализ процессов, связанных с оценкой состояния и динамики партийного строительства, а также прогнозирование его вероятных последствий.

Организационные формы, возникающие в социальных системах, принято делить на существующие «де-юре» и «де-факто». Реальные процессы партогенеза в современной России не укладываются в прокрустово ложе этой дихотомии. Есть партии, существующие только «де-юре» и только «де-факто». Есть партии, существующие и «де-юре», и «де-факто». Но общество нуждается в партиях «по сути», партиях, выполняющих функцию социального опосредования. Оказывается, «по сути» – это не то же самое, что «де-юре» или «де-факто», и обнаружить такие партии на российской политической арене не так-то просто. Если, конечно, исходить не из идеологем и желаемого результата, а из объективных параметров, критериев и оснований классификации. В сложных, проблемных ситуациях – а ситуация в политической сфере России сегодня именно такова – особенно важна адекватная диагностика состояния, чтобы снизить вероятность ее перерастания в кризис.